

Илья Муромец и Сокольник (6)

Ай не далёко было от города, не близко же,
Не далёко, не близко — за двенадцеть вёрст,
Де стояла застава да богатырская,
Не велика, не мала — тридцать да собогатырей,
Де хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Залегала дорожка ровно тридцеть лет,
И не конной, ни пёшой не проезживал,
Не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
Не ясён сокёл да не пролётывал,
А был атаманом Илья Муромец.
Де вставал старой да по (й)утру ранёшёнко,
Омываютсе старой да ключевой водой,
Вытирайтсе старой да полотёнышком,
А козловы сапóжки на белы цюлки,
А Богу молитсе да не помножоцько,
А берёт он трубоцьку подзорную,
Он сам выхóдя на крылецюшко,
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во северну —
Де на севери стоит да морё синёе,
Море синёе да ледовитое.
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во встоцьную —
На востоке стоят да горы тёмные.
А ище смотрит-гледит в ту сторонушку во южную —
На юге стоят луга широкие.
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
Де на запади стоит да полё чистое,
Полё чистое да всё Куликово.
А там не славный Буян-остров там шатайтсе,
Не Саратовски там горы да взременяютсе,
А едёт богатырь — забавляйтсе:
Стрелоцькой он сам постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураниват.
Не правóm колени его бумажоцька,
А на левóm колени его чернилица,
А пишот он арлык да скору грамотку.

А подъезжаёт Сокольник ко белу́ шатру,
И подмётыват он арлык да скору грамотку.
Ай-де выбегал тут старой ведь сам скорёшенько
И брал записоцьку легóшонько,
А-де отдавал цитать Добрынюшке Никитицу.
А цитат Добрыня — да усмехаитце:
«Едёт бога́тырь да похваляитце:
„Еду к вам да в стольной Киев-град,
Пошуметь я, погромётъ да в стольнём Киеви!
Я божьи́ церкви да на дым спущу,
А древяны́ иконы — на поплав воды,
А медны иконы я во грезь стопцу,
А Владимера-князя да я под мець склоню,
Апраксину я княгину за себя возьму!“».
А закричал старой да громким голосом:
«А не времё спать — да вам пора <в>ставать,
Не от великого́ хмелю да просыпатися,
Ай не от крепкого сна, робята, да розбужатися!
А кого ж мы пошлём да за бога́тырём,
А кого ж мы пошлём да за могуциим?
Как послать да не послать нам Мишку да Торупанишка?
А Мишка Торупанишко роду он торопливаго,
Не за что он потеря́т дак буйну голову.
А послать-то не послать Самсона сына Колыбанова?
А Самсон сын Колыбана роду он сонливого,
Не за что он потеря́т дак буйну голову.
А послать дак не послать-де Дюка сына Степановиця?
А не сумеёт он с бога́тырём ведь съехатце,
А не сумеёт он с бога́тырём розъехатце,
А не сумеёт он с бога́тырю ведь честь воздать,
А не за что он потеря́т дак буйну голову.
А послать дак не послать Олешеньку Поповиця?
А Олешенька Поповиць роду заговóрливаго,
А незавид он потеря́т дак буйну голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго,
А сумеёт он с бога́тырём ведь съехатце,
И сумеёт он с бога́тырём розъехатце,
И сумеёт он бога́тырю ведь честь воздать».

А не видели побѣжки лошади́нной,
А не видели поездки да молодецкой,
То<ль>ко видели: в цистом поли копáть стоит.
Де догнал Добрынюшка Сокольника,
И кричал он во первой након:
«Если русский бога́тырь — да поворот даю,
А не русский бога́тырь — я напúс держу!»
А на ето детина не (й)ослушалсэ.
А кричал Добрыня да во второй након:
«Если русский бога́тырь — поворот даю,
А не русский бога́тырь — я напúс держу!»
А на его детина не (й)ослушалсэ.
Ай и стал кричать Добрыня во третьей након:
«Ежли русский бога́тырь — да поворот даю,
А не русский бога́тырь — я напúс держу!»
А на ето детина не (й)ослушалсе.
Ай-де стал Добрынюшка ругатися:
«Едѣшь, гадина ты перегадина!
Лѣтишь, ворона пустопѣрая!
Лѣтишь, ма́шишьсе, сорока загумѣнная!
Не приворачивашь к нам на за́ставу караву́льнюю,
Ай не считаешь нас, уда́лых добрых молодцов!
А была у нас убайна коровушка бозы́кова,
По загу́мьям коровина волочиласе,
Олави́ной корова да подавиласе,
А верно те, собаке, то же надобно?!»
Ай-де подъезжал Сокольник ко Добрынюшке,
Взял его ведь за жёлты кудри,
А бросил его ведь на сыру́ землю,
И дал он ему ведь тут по тяпышу,
А прибавил еще да по олабышу:
«А поезжай-ко ты назад да во бело́й шатѣр,
А скажи-ко старику да ты низко́й поклон,
Ан что он вами, говна́ми, заменяйтце?
А ему самому со мною ведь не справитце!»
Едет Добрыня не по-старому,
А конь его бежит да не по-прежнему:
Потопя дѣржит Добрыня буйну голову,
Потопя его да оци ясныя.

Ай-де стал старóй Добрынюшку выпрашивать,
А стал старóй Добрынюшку выведывать.
«Видел в поли я богáтыря,
А уж шлёт он тебе да сам низкóй поклон,
И говорит: „Что он вами, говнáми, заменяйтце?
Ему самому со мною там не справитце!“».
А слышило ухо да молодецкоё,
А завидело око да богáтырскоё,
А рассерд́илось е́го да ретивó сердцэ,
А расход́ились е́го плечá могучия,
А закричал старóй да громким голосом:
«Уж седлайте, <уздайте> вы добрá коня,
А берите е́го да со семи цепей,
А восьму кладите чересхребётную,
А на шею — кольчужоцьку серéброну:
А не ради красы да молодецкой —
Ради крепости да богáтырской,
Щобы не оставил доброй конь да во чистóм поли».
Ай не видели, как старóй да на коня <в>скоцил,
И не видели, как старóй да в стремя вступил —
То<ль>ко видели, как в чистом поли копать стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплютце,
Из ноздрей коня да пламё мечитце,
А и золотиста грива да росстилаитце,
А хвост трубой коня да завиваитце.
Ай-де говорит тут Сокольник он своим слугáм,
А своим слугáм, да слúгам верным:
«А выбирайте вы себе хозяина поласковой,
А поласковой, да вы повежливе<й>:
А со старым-то съехатьсе — да мне не брátатце,
А со старым-то съехатсе — да не с родным отцом».
А тут не две горы ведь там столкнулися,
А два богáтыря ведь <со>езжалисе,
А под имá земля-мать задрожала же.
А бились они, дрались да целы сутоцьки —
Сабли их да пощербалисе.
И дрались они ведь целы сутоцьки —
Копья их да повихалисе.
И хватились они ведь там в охабоцьку,

А бились-дрались да целы сутоцьки.
А старóму похвальнѣ слово встретилося —
Права нога да прокользнуласе,
А лева нога да подломиласе,
Упал старóй да на сырú землю.
И взмолилсэ старой Боґородице:
«Я за вас стою, да я за вас молюсь,
Я борюсь, стою за верушку Христовую,
А выдали мя да поганым на погаленьѣ,
Чѣрным вóронам на ростáрзаньѣ!»
Тут не ветѣр полосоцькой возмахиват —
У старóго силы вдвоѣ тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил еґо да на сырú землю,
Разорвал еґо латы железныя,
Вытащил ножичѣк булатныи
И хотел еґо ведь резать ґрудь белыя,
А смотреть еґо да ретиво серьцо.
Замахнулсэ <старой> да во первóй након —
А в плечи рука еґо да остояласе.
Стал старóй Сокольника выпрашивать,
Стал Сокольника выведывати:
«А чьей ты земли, да коя матери,
И какоґо роду, коґо племени,
И как тебя зовут ведь сам по имени?» —
«Я коґда на твоих ґрудях сидел, тебя не спрашивал,
Режь же, режь меня, и то не спрашивай!»
А замахнулсэ старóй да во второй након —
А в заведи́ рука еґо да остояласе.
И опять всё стал старóй Сокольника выпрашивать,
А стал старой Сокольника выведывати:
«Я, — говорит, — на твоих ґрудях сидел — тебя не спрашивал.
А режь меня, — и то не спрашивай!»
Замахнулсэ старой да во третьей након —
А в заведи́ рука еґо ведь остояласе.
Он опять же стал Сокольника выпрашивать,
Стал Сокольника выведывати:
«Коѣ ты земли, да коя племени,
Как зовут тебя по имени?» —

«Есь полени́ца одинокая,
Я ей сын...»

*(Зап. Красовской Ю. Е.: 29 июля 1980, д. Боровская, Усть-Цилемского р-на
Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 77 лет и Чупровой Анны
Лукичны, 68 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.